

Саша Антушевич

Город Че

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Саша Антушевич

Город Че

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51143031
SelfPub; 2020*

Аннотация

Книга в жанре т.н. "мистического реализма". Че – один из многих небольших русских городов, возможно, каждый, кто прочитает книгу, узнает в ней свою улицу, дом и квартиру.. Но однажды в городе Че начинают происходить странные и необъяснимые вещи. Население испугано, а власти беспомощны перед неведомой силой. Гибнут люди, падает телевышка... КТО или ЧТО за этим стоит? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Переходный возраст	4
Дзынь!	5
«Шебаршат»	16
Башня рухнула	23
Зубы	28
Карточки	31
Майор	35
Подземка	37
Чародей	39
«20»	42
Ведьма и домовой	45
Отец Афанасий	48
Никто не заметил	51
«Не надо войска...»	53
Курсант	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Переходный возраст

Повесть

Дзынь!

Звякалки появились осенью, в первых числах ноября. Город готовился ко дню рождения. На фоне закоченевших, голых ветвей серые люди развешивали флажки – украшали безликие хрущёвки и сталинки, чиновничий бетон и рубиновый кирпич.

На озябшую землю робко опускался первый снег и тут же таял. Дыры в асфальте были похожи на глаза, полные слез. В них отражалось белое, пористое небо.

В квартиры начали звонить. Среди тишины – звук. А когда шли открывать – никого. Пустая и гулкая лестничная клетка, стук удаляющихся шагов, иногда застывший в воздухе смешок. И так не раз, и не два, а тысячи раз в тысячах домов.

Сначала люди боялись говорить друг другу, что с ними приключился такой морок: думали, это хулиганы. Потом и вовсе перестали открывать двери. Но в них звонили, в них стучали. И вот однажды фрезеровщик Гена за кружкой тёмного в тёмной пивной осторожно сказал дружку:

– Знаешь, ко мне хулиганы какие-то повадились. Звонят в дверь и убегают.

Над головой дружка мельтешил футбол. Вокруг гомонили здоровые мужики – все свои, все работяги с тяжелыми руками и мясистыми затылками.

– Ты их видел? – сварщик Никита напрягся, глотнул из своей кружки. Он был высоким и жилистым, словно его мягкое тело вытянули, как лапшу, и оставили сушиться на солнце, вот он так и застыл – длинный и смуглый.

– Нет, не успел, – Гена понизил голос. – А что?

– Да так, – Никита дёрнул плечом. – Просто ко мне в дверь тоже звонили. Я уж начал думать, что схожу с ума. Но вдвоём же мы не могли свихнуться. Значит, это банда какая-то звякает.

– Поймать и надавать.

– Да ладно. Сам будто такого никогда не делал в школе.

– Я? – возмутился Гена шутливо, – Никогда!

По первому ледку стучали каблуки. Женщина в синем пальто шла уверенно, изредка поскальзывалась, но не падала. Она легко размахивала руками: правой – левой – правой – левой, как метроном.

Успела проскочить на зелёный. Справа мелькнули окна пивной, где оттягивались после смены ребята с литейно-механического. Она завернула во двор, вилявший криулями. На детской площадке, среди высоченных тополей, словно нахохлившиеся птицы, притихли матери. Толкаясь, с горки съезжала малышня.

Ноздри резал холодный, жёсткий воздух. Воздух горчил.

Впереди показался розовый домик с большими, чистыми окнами. Женщина прибавила шаг. Перемахнула через уз-

кую односторонку по затёртому пешеходнику. Взмахнула на высокое крыльцо...

Никита и Гена учились в одном колледже. Потом пришли на завод. Оба были местные – череповецкие. Один высокий, с острыми, хищными чертами – Никита, второй мелкий и шуплый – курносый нос, уши оттопыренные – Гена.

Но на работе они проходили по одному разряду – Болик и Лёлик. Донимали начальство бесконечными жалобами и нытьем: то недоплатили им, то щи в столовке жрать нельзя, то бригадиром не того поставили. Было в них что-то общее – смешинка. И шутки были одни на двоих – дурацкие.

Никита стеснялся женщин. Говорил, что никогда не женится. Все силы свои тратил на обустройство дома в деревне, куда хотел удалиться в старости (до которой еще ой-ой сколько) и где хотел жить, как бирюк, выезжая только на охоту и рыбалку.

Гена, с его средним профессиональным, умудрился приклеить к себе учительницу математики из тридцатой школы – быструю и ловкую Анастасию Николаевну. Эта молодая женщина – не слишком красивая, но умная, стала для него идиолом. Она всё пыталась «сделать из него человека». Читала вслух Достоевского и Набокова, отправляла учиться в институт:

– Без корочек не пробиться!

Она покупала ему рубашки в мелкую полоску, замшевые

туфли. Отучила носить жиганку и трикотажный спортивный костюм.

Гена слушал её и улыбался. Он дарил ей розы, писал под окнами: «доброе утро, солнышко!». Пел страдательные песни под гитару. Любил её атласные щёки, её строгие серые глаза, которые как гранит, её бледные слабые руки. Он любил её, как любят всё возвышенное – с придыханием.

В школу пришло распоряжение – вычислить и приструнить хулиганё. В мэрии решили, что именно у них рассадник. Пронюхали журналисты. С самого утра у крыльца тёрлись камеры.

Анастасия Николаевна ласточкой впорхнула в бело-голубой класс. Навстречу поднялись бедовые головы – седьмой «Б». Шёлковые волосы, модные растянутые вещи, пальцы в чернилах. У каждого уже свои отдельные мысли, свой взгляд на всё на свете.

На учительнице было шерстяное платье в синюю клетку. Ей нравилось мять в руках складки на юбке, нравилась ткань.

– Все. Можете садиться, – она разделила стопку тетрадей на две, – Оля, Катя, раздайте.

Две одинаковые девочки – невзрачные, с жидкими косичками – медленно двинулись по проходам. За партами зависли одноклассники. Мальчиков больше, чем девочек: физико-математический класс.

– Ребята, прежде всего, я хочу предупредить вас. В полиции уже всё знают. Тот, кто этим занимается, должен, признаться. Сам. Тогда всё будет намного проще. И наказание, наверное, смягчат. Если оно вообще будет.

Дети застыли. «Что у них на уме?», – раздраженно думала она.

Девочки вернулись на свои места – в разных концах класса.

– Вы подумайте, – она немного хрипела. – Нехорошо ведь. Взлетела красная ладонь.

– Оля?

– Анастасия Николаевна, это люди делают?

– А кто?

– Не знаю, – прошептала Оля. – Но мне страшно. Я вчера весь день одна была. Так к нам раз пять звонили. Это конец света, да?

– Что ты говоришь такое? – учительница украдкой щупала подол своего платья под столом. – Вот, видите, ребята, какую хулиганы разводят паранойю. Поддаваться не надо. Всё у нас хорошо.

Гена возвращался после смены. Он жил в однокомнатной квартире на пятом этаже в доме без лифта. Ноги казались чугунными чушками. Он еле поднимал их, карабкаясь по лестнице. Площадки тонули в болезненном, мутном электричестве. Гена смотрел на двери, на тени в углах, чтобы удостове-

риться, не скрывается ли там звякалка, чтобы поймать тварь с поличным. Но было пусто.

В квартире пахло семечками. Утром, когда жарил яичницу, нечаянно пролил масло на пол. Вытер кое-как. Поэтому на линолеуме возле плиты было скользко.

Он аккуратно обошел это место. С шумом открыл разошедшуюся форточку. В комнату влетел заморозок – промозглый ноябрьский ветер.

Гена стащил колючий свитер и бросил его на стул.

Обои в кухне ещё с девяностых годов, бумажные, с бледными разводами, уже порядком драные во многих местах отставали от стен. По полу ползала сонная муха, она тыкалась в плинтус, пытаясь найти место, где уснуть.

В матовом плафоне над столом покоились десятки её сородичей, похожие на изюм.

Гена взял со стола недоеденную, уже сухую корку хлеба и начал её жевать.

На предплечье синела армейская татуха.

Настроение было сносное. Завтра, перед сменой, они вместе с Анастасией Николаевной собирались на праздничную ярмарку. Власти обещали салют.

Вдруг в прихожей звякнуло. Гена сглотнул: «Опять начинается».

Он тихо опустился на пол и медленно подполз к окну. Выглянул – у подъезда никого. Только слепой фонарь подсвечивал пустоту.

Двинулся в прихожую. Свет он включать не стал. В выпуклый глазок просматривалась дверь напротив – богатая, обшитая кожей, с большим импортным замком. В соседней квартире жил заместитель мэра по вопросам ЖКХ.

Спину холодило. Парень отвернулся от глазка. «Что за дела?» – думал он, наполняясь мороком. – «Нельзя так».

Потом, на всякий случай, вновь посмотрел в дырку, зажмурив один глаз, как снайпер. Никого. И тут неожиданно, да так, что сердце ухнуло и застучало в горле, раздался протяжный звяк – «дзыыынь». На руках Гены, рабочих сильных руках, волосы поднялись, как кошачья шерсть. Он потянулся к телефону.

– Маленькие паразиты, – шипела учительница математики. – Никто не сознаётся.

– А вы детектор попробуйте, – вставил Никита. Он сидел с подвязанной щекой – лез зуб мудрости.

– Ты шутишь что ли? – не поняла Анастасия Николаевна. Гена дымил у окна:

– Я так с ума сойду...

– Да, что ты, в самом деле! Это просто какая-то хитрая технология! Наверняка они научились контролировать систему, – предположил Никита, – через комп. – Он закрывал рот рукой, которой придерживал больную челюсть, поэтому голос его звучал глухо.

– Какую систему?! Ты чего?! Это же дверные звонки! И почему тогда этих хакеров долбанутых ещё не поймали? – вскинулся Гена.

– Потому, что в полиции долдоны работают, – учительница хлопнула себя по коленям.

Парни с интересом посмотрели на неё.

– Ладно, – она махнула рукой. – Давайте я картошки пожарю, что ли?

На исторической улице пахло шашлыком. Дым поднимался от мангалов, от сковородок, на которых жарили блины, от самоваров, от красных, развязных ртов. Над площадью, с бронзовым городским головой в центре, парило. Продрогший музыкант играл Шуберта на старинном рояле. Люди обходили его стороной.

Разгоряченные скоморохи из ДК «Химиков», «Строителей» и «Металлургов» танцевали и пели псевдонародное для химиков, строителей и металлургов.

Кокошники в стразах, красный атлас, ловкая присядка с выпадами. Старообрядцы в «криуле» пугали ребятню фокусами с тёсаным бревном.

Серебристые шары на тоненьких веревочках рвались в небо – низкое, печальное, увлекая за собой малышню.

Люди кучей мотались из стороны в сторону. Мокрый холод заползал под одежду. Люди ёжились, дули на руки и под воротники.

Хлопали флаги.

Мужики медленно наливались водкой.

Анастасия Николаевна измазала свое синее пальто кетчупом и теперь старательно затирала пятно салфеткой.

– Не надо так, девушка, – поучала её какая-то суетливая толстуха. – Вещь испортите.

Учительнице хотелось грязно выругаться, но она сдерживалась, помня, что она педагог, и лишь сконфуженно улыбалась.

– Как же ты так, солнышко, – почему-то извинялся Гена, хоть он был и не виноват. В честь праздника он надел новую куртку – горчичную, военного образца.

Анастасия Николаевна представила, как бьёт его по щеке – хлестко и немного театрально.

– Вот и испортили, – подвела итог незнакомка.

– Ничего не поделаешь, – снова улыбнулась учительница.

– Так уж всё сделали, – хмыкнула толстуха. – Я ж говорила – лимоном надо.

«Где б я его взяла сейчас?» – ворчала про себя Анастасия Николаевна.

– Вам в дверь сегодня не звонили случайно? – она сузила свои круглые глаза, которые как гранит.

Женщина поджала губы и отвернулась.

Трамвай трясло. Народу было немного, все сидели и покачивали головами в ритм хода. От поручня к поручню летала

кондукторша – жёлтая, изможденная женщина с пропитым лицом. В полёте она отсчитывала сдачу и отрывала билеты.

Учительница положила голову на Генино плечо.

«Он мой рыцарь», – повторяла про себя сквозь дрему. «И будет драться за меня до последней капли крови». Она обняла его руку.

Гена весь подхватился и слегка улыбнулся – только уголками губ.

– Пс, пссс, – позвали откуда-то.

Молодые люди открыли глаза. Напротив сидела горбатая старушка, похожая на жабу. Из-под коричневого платка выбивались сальные патлы и липли к мокрому лбу. Она смотрела внимательно, часто моргала, словно у неё был тик.

– Всё хорошо у вас? – спросила.

– Да, – сипнул Гена.

– Неуверенно больно говоришь, – старушка погрозила распухшим пальцем.

– Почему? Уверенно, – Анастасия Николаевна выпрямилась. На её груди темнело пятно.

– Хи-хи, – попутчица захихикала в кулачок.

– А? – изумились ребята.

– Дзынь! – брызнула бабка.

Девушка и парень выпучили глаза.

– Дзынь!

– Что с вами?

– Дзынь! Дзынь!

– Женщина? Вам плохо?!

– Дзынь, дзынь, дзынь! Думаете, кто я? Дзыыынь!

Трамвай катился под горку к тёмной полноводной реке.

На набережной начинался салют. Снаряды лопались на высоте, выпуская красные, жёлтые, синие сверкающие брызги. Эти брызги хотели стать звёздами – прилипнуть к небу, закрепиться там, но бессильно опадали, как конфетти.

«Шебаршат»

На город упала багровая ночь. Ватные облака впитывали свет фонарей и заводской жар. Гнили жёлтые листья, вдавленные в асфальт. В осенней мокроте отражались вывески. Вывески мигали.

Часы на театральной башне пробили рождение Революции. Бой был не громким, но в тишине он отскакивал от уездных домишек, похожих на молочные зубы, и бежал далеко-далеко – до самой реки.

По проспекту спотыкалась женщина в оранжевом берете. Старалась держаться стен, возила мокрой рукой по рубиновым кирпичам.

Дома спали, чёрные глазницы их были спокойны. С неба сыпалась морось – предвестница снега.

Сочувствия ждать было неоткуда. Глаза слипались, ноги не слушались. Перед глазами кружился калейдоскоп, в голове было легко-легко и что-то, казалось, отслаивалось. Еще немного – и взлетишь.

Шершавая стена баюкала. Шершавая стена шептала: «спишь, спишь, а они шебаршат, шебаршат».

– Шебуршат, – повторяла пьяная. – Они ше-бур-шат.

Чёрные точки, чёрные полосы, красное брюшко, длинные лохматые лапки на молочной коже.

– Шшшшш, – всё выше и выше, щекоча, под рукав. – Шш-

шш...

Розовые круги, синие, жёлтые. Берет шлёпнулся на землю. Она придавила его каблуком.

Било полпервого. Звук бежал, как испуганная лошадь, до самой реки, далеко-далеко...

Каждое утро Елисей Андреевич завтракал в трамвае. Он сонно тыкал вилкой в пластиковый судок, подцепляя куски сухой куриной грудки, и тщательно пережёвывал, не чувствуя вкуса.

Потом полоскал рот травяным чаем – грел горло, которое каждую осень саднило.

Девушка рядом морщилась.

– Вам что-то не нравится? – он громко, с шуршанием вытер усы салфеткой.

Попутчица отвернулась к окну. Проезжали мяскокомбинат. Вкусно пахло колбасой.

По тротуару, справа от комбината, шли четверо. Впереди унылая женщина говорила по телефону. Сзади плелся её маленький мальчик – в красной куртке, которая была велика ему размера на два. Потом, на заметном расстоянии от ребенка, близнецы – красавица и её неудачная копия.

Небо было радостно-лазоревым. И город казался умытым.

– А вы не знаете, когда были построены эти дома? – пожилой мужчина с бородавкой на лысине тыкал пальцем в оконное стекло. Руки его тряслись.

Женщина, к которой он обратился, чопорная и брезгливая, помолчала немного, а потом всё-таки ответила в нос:

– В конце девятнадцатого века.

– То-то я и думаю! – обрадовался лысый. – Все стоят и стоят – ничего им не делается. А сейчас строят гнилушки какие-то. На второй год всё сыпется.

Кровь была похожа на разбавленную томатную пасту. Красные водянистые капли на брусчатке выглядели пугающе обыденно. Словно это действительно остались следы от раздавленных помидоров, и ничуть не больше. Но это было больше, весомее и потому сразу бросалось в глаза. Люди смотрели на следы и ничего не чувствовали. У жёлтых ограждений собиралась небольшая толпа. За полосатой лентой шевелились оперативники. Они негромко переговаривались. Угловатая девица с растрепанной гулькой сидела на корточках и что-то скоро записывала в книгу.

– Скоты, – выругался серенький прокуренный майор. – Все улики повытоптали.

Елисей Андреевич пытался прорваться к дверям.

– Что случилось? – обратился он к майору сквозь гомон. – Можно пройти?

Тот махнул рукой, мол, «не мешай».

– Мне нужно на работу, я опаздываю, – настаивал Елисей Андреевич.

– Вы не видите, что здесь место преступления? – рявкнула

оперативница с гулькой.

– Так что всё-таки произошло? – не унимался Елисей. Он всё поправлял шерстяной шарф.

– Бабу какую-то загрызли, – бросила ему из-за плеча пенсионерка с ярко-рыжими кудрями.

– Говорят, глаза ей выели, – зашамкала другая бабка в красном платке.

– Собаки что ли? – испугалась пухлощёкая студентка.

– Может, птицы выклевали? – проговорил низенький квадратный дядька в коричневом пальто, похожем на плед. Он сказал это так безразлично, как будто фильм смотрел.

– А, Евгений Феофелактович, – потянулся к нему Елисей. – Здравствуйте, тоже у дверей топчетесь, – он тряс руку знаконца с неприятным возбуждением и был похож на пса, молотящего хвостом при виде хозяина.

– Придётся подождать, раз такое дело, – процедил мягкий квадрат.

Оперативники разглядывали что-то под своими ногами.

«Чего они возятся», – думал Елисей Андреевич, поглядывая то на полицию, то на Евгения Феофелактовича. «Слава Богу, хоть опоздание не засчитают, вот начальство тоже здесь».

Город, уже взбудораженный непонятными звякалками, после странного происшествия у художественного музея вконец испугался. Люди отказывались пускать детей в шко-

лу. Некоторые не выходили на работу.

По местному телевидению выступил мэр. Мэр – здоровый лоб из бывших бандитов, рыжий, в оспинах, говорил сурово, по-заводскому:

– К нам в мэрию поступают многочисленные обращения граждан по поводу какой-то чертовщины, – он постукивал рукой по жёлтому столу. – С уверенностью отвечаю, что никакой чертовщины в городе нет. Если кто-то сомневается, может лично сходить в церковь и выпить там святой воды, чтобы не мерещилась всякая ерунда. У нас – тьфу-тьфу-тьфу – всё в порядке. Коммунальные системы работают. Общественный транспорт ходит исправно. А всякие мистические настроения можно объяснить только массовой истерией. Поэтому я постановил в каждом районе города открыть пункты психологической помощи. Там будут сидеть высоко... – мэр мотнул головой, – квалифицированные специалисты из отдела по работе с общественностью. Эти молодые девушки...

Елисей Андреевич заработался. В его кабинете, с высокими потолками и печью, в углу шумел полудохлый компьютер. За большим стрельчатым окном, в мокрой темноте было холодно и жутко. Домой идти не хотелось.

У двери кабинета притаилась шершавая тишина. Пустой музей вздыхал. Старое, больное здание чуть слышно стонало.

Елисей Андреевич оторвался от экрана, на котором раз-

валилась полуголая женщина, и прикоснулся к белёной стене. Казалось, это кожа. Вдруг ему почудилось, что стена заговорила:

– Шшшшш, тише, не тормоши...

Он одернул руку, тряхнул головой. Осмотрелся.

В соседнем зале спали гипсовые статуи: голые боги, женские бюсты и выразительные лица стариков. Чутко дремали застенчивые подлинники. Казалось, между перегородками, по узким проходам летает что-то неуловимое, дымчатое. Казалось, кто-то тихонько посмеивается:

– Хи-хи-хи...

Под потолком отважно мигал красный огонек. Но ему не под силу развеять мрак.

– Ты хочешь знать моё мнение? – по лицу майора ползли оранжевые и красные полосы.

Оперативница кивнула, вытаскивая шпильки. Жухлые жёлтые волосы упали на плечи, обтянутые курткой из коззама.

– Я думаю, убийство произошло из-за ревности, – огненная щека офицера чуть заметно дёрнулась.

Девушка молчала. Она вертела и гнула шпильку тонкими пальцами.

– Ты женат?

Щека майора дёрнулась сильнее. Оперативница мягко улыбнулась. Она засунула руки в карманы куртки и закрыла

глаза.

Елисей Андреевич медленно, с усилием поворачивал ключ в замке. Замок заедал. Он вышел через черный ход: у парадного до сих пор пестрели ленты ограждения.

Сверху, сквозь рваные быстрые облака просвечивал огромный рыбий глаз – луна. Человечек суетился в круге яркого света, как под прожектором.

Часы на театральной башне пробили двенадцать. Каждый удар отскакивал от стен, словно теннисный мячик.

Между кирпичами, на уровне руки, воюющей с ржавым замком, что-то шевельнулось.

Чёрные точки, чёрные полосы, красное брюшко, длинные лохматые лапки...

Лапки мягкие и тонкие, похожие на усики. Лапки щеко-чут, морозят. Все выше и выше...по коже...

Он притих, затаился, не мог дышать, не мог пошевелиться. Страх липкой ладонью гладил его по взмокшему лицу.

– Шшшш, – шипели твари. – Шебаршат, шебаршат...

– Они шебуршат, – повторял Елисей Андреевич. – Они по мне шебуршат.

И тут что-то тяжелое опустилось ему сзади на плечо. Затылок словно окатило ледяной водой. У самого уха почудился сухой, жаркий шепот:

– Вы не знаете, в каком году построены эти дома?

Башня рухнула

Улица Чкалова совсем не похожа на улицу – панельные коробки кончались где-то на её середине, а дальше – до самого завода – бетонный муравейник, гаражи. В грязных бензиновых лужах гнили покрышки, мокли пластиковые бутылки, подмигивало битое стекло.

В слепых окнах домов отражались облака и упругие дымы – задранные трубой кошачьи хвосты.

По костоломке на гнущем велике катился небритый мужичок в пыльнике и жёлтых очках. Он старался держаться обочины.

У подъездов, опустившись по щербатой стене на щербатый асфальт, сидели старые урки. Один из них – тощий (его колени были настолько острыми, что походили на иголки), тёмный – заливался сухим, надсадным кашлем. Всё его тело, завёрнутое в ватник, сотрясалось. В руках то и дело подпрыгивала изогнутая палка, увенчанная отполированным набалдашником, – головой обезьяны.

Вечером сюда редко кто забредал, на эту улицу. Ночью здесь, и правда, было опасно.

Полгода назад в гаражах, в горе наваленного у знака «Шиномонтаж» мусора откопали мертвую Настю Груздеву. Участковый до сих пор видел во сне её руку со сломанным мизинцем. На мизинце облупился синий лак.

Велик подскочил на кочке так, что голова мужичонки на секунду оказалась выше чахлого кустарника. Потом хрустнуло – колесо раздавило шприц, похожий на комара.

Детские пальцы сжимали мокрый металл. Качели взлетали высоко: резиновые подошвы кроссовок задевали небо. Укутанный в синтепон и болонью мальчик высовывал наружу красный язык и неприятно облизывал обветренные губы. Он был задумчив.

Ветер гнал по двору пакет. Мимо, стуча сапогами, прошел дядька в кепке с эмблемой хоккейного клуба.

Сохло серое белье на веревке между тополем и яблоней. Из окна на третьем этаже выглядывала крупная дворняга. Стояла она во весь рост, положив коричневые лапы на подоконник. Взвизгивала в форточку, точно пыталась позвать на помощь.

В сердцевине этого убей-городка над решетками прогоревшей прачечной резала глаз новенькая табличка – синим по белому: «Пункт психологической помощи».

Если бы скука имела форму, она была бы этой комнатой. Правильный квадрат – четыре пыльных угла.

На стенах – старушечьи обои в мелкий цветочек, на полу – липкий линолеум. Лакированный стол блестит, и в нем, как в зеркале, отражается девичий силуэт.

Ровная перспектива: жизнерадостный фикус и лицо брюнетки с марлевой нашлёпкой на носу.

Её можно было бы назвать красивой, если бы не эта нашлёпка и чёрные ожерелья вокруг глаз, плохо замаскированные желтоватым тоном.

Она перекаtywала во рту жвачку со вкусом манго и смотрела на календарь долгим коровьим взглядом. Высокие скулы ходили ходуном.

Тренькнул старый телефон – синий, проводной, он стоял на столе с другой стороны фикуса. Девушка подняла трубку.

– Алло, – лицо её сморщилось. – Я не буду комментировать, – она говорила чуть в нос. – Звоните моему начальству.

Календарь раскрыли на ноябре и повесили за проволочную петлю. Над цифрами и буквами завис гоночный болид – большая, сверкающая пуля.

Зашипел гравий. Велосипед тормознул у железного крыльца.

Мужичонка дернул дверь – она не поддавалась. Секунду он бессмысленно глядел на ручку, а потом заметил кнопку.

«Пи-пи-пи», – зажурчало над ухом.

Дверь обмякла.

Первое, что он увидел, были круглые коровьи глаза, зелёные, как море. С разбегу мужичонка прыгнул и застрял булавкой в красной обивке советского стула.

– Здравствуйте, – сказала девушка с нашлёпкой. – Вы пришли на консультацию?

– Да, – посетитель робко разглядывал нашлёпку. – У ме-

ня...тревожность.

Брюнетка сложила руки перед собой замочком.

– Как вас зовут?

– Миша.

– Миша, что вас беспокоит?

– Я беспокоюсь. Точнее, я боюсь.

– Чего?

– Всего.

Девушка смотрела на свой замочек и чуть заметно морщилась.

– А конкретнее?

Мужичонка вздохнул. Он снял очки и начал протирать стёкла краем свитера.

– Иногда, когда я просто хожу, мне кажется, что меня немного хватают за штанины.

– За штанины, – задумчиво повторила брюнетка. – Вам кажется или это было?

– Не могу понять. Я чувствую, мешает что-то – хватывать, а когда смотрю – там никого.

– Как вы спите? – девушка откинулась на спинку стула.

– Неважно я сплю. Такой панический сон, – он неопределенно взмахнул рукой. – Ворочаюсь, снится всякое.

– Расскажите.

Посетитель ковырял лоб. Смотрел он уже не на девушку, а на пластиковую табличку у телефона: «Наталья Аркадьевна Синицына, консультант службы психпомощи». Над правым

плечом девушки был диплом в рыжей рамке: «Специалисту по работе с общественностью управления по делам молодежи мэрии...»

– Полосы зелёные снятся. Мельтешат, – он вздохнул. – Муть всякая. Вот вчера роды снились.

– Вам нужно меньше нервничать, – вдруг улыбнулась консультант. – Я вам рекомендую съездить развеяться. На базу отдыха. Перед сном нужно обязательно пить горячий чай с мёдом. Ноги держите в тепле. Проветривайте квартиру. Вы проветриваете?

– Нет, – мужичонка всё глядел на диплом и чесался.

На улице становилось темно. В домах зажигались окна. Огни казались потусторонними.

Девушка зябко жалась.

– Мерзкая погода, – сказала она.

Внезапно почудилось, что где-то кто-то уронил что-то тяжёлое. Земля подпрыгнула.

– Что это? – машинально бросил посетитель.

Вдруг в дверь глухо постучали, точно обухом. Потом зашвиристела трель. Консультант резко выпрямилась, глаза её увеличились. Она потянулась к тревожной кнопке, чуть помедлила, а потом уверенно нажала клавишу на маленьком пульте управления.

В комнату влетел мужик. Он тряс перед собой кепкой с эмблемой хоккейного клуба.

– Вы слышали? Башня рухнула! Башня! Рух-ну-ла!

Зубы

Башня падала быстро, но, казалось, медленно, как будто прощалась. Она завалилась вперед, на улицу Ломоносова, придавив маленький домик телестудии и жилую пятиэтажку напротив. Как если бы нарядная трёхметровая елка упала посреди праздника – прямо на детей. Вот так примерно упала и башня.

Всё казалось красноватым, бликующим. Отблески мигалок танцевали в осколках стекла на асфальте, в разбитых окнах, в растерянных глазах.

Красно-белая гигантская игла – конус скрученного железа и прутья, прутья, прутья – нечаянная баррикада. Пробка закрыла всего лишь одну, по сути, второстепенную вену, но тут же встал весь город.

Машины визгливо жаловались. Хлопали дверцы. Люди выходили поглазеть и замирали. Упала башня. Её было видно из любого уголка, чуть ли не из каждой норы, а теперь нет – не видно. Кто бы мог подумать.

Телестудию смяло, как бумажный пакет сока. Но она и так умирала. Командный центр сместили в центр административный – начальство переехало в столицу – в Вологду. В Череповце из вежливости оставили корпункт – техника, трех журналистов и двух операторов, застрявших у чиновников, как мясо в зубах.

Одного корреспондента врачи волокли на носилках к карете. Бледный мужчина лежал неподвижно, придерживая голову – у него были роскошные цыганские кудри – на лоб стекала кровь.

Второй сидел на ступеньках, прямо на разбитых плитах, словно на развалинах чего-то античного, расставив полные ноги, и мычал, закрыв лицо руками.

Третья – худенькая девушка кричала в микрофон, нервно тряся шеей. Она стояла на фоне разбитой пятиэтажки. Оператор снимал с плеча. Оператор был стоек, как штатив. Другой подсвечивал обычным карманным фонариком – руки его тряслись.

Говорили, что люди не пострадали. Вроде, не успели ещё с работы вернуться и из школы. Но это было ещё не точно. Ещё продолжали искать.

Кирпич, балки, куски железа.

Грушеобразная женщина в куртке с седым мехом курила и сплевывала на сторону.

– ЧётвОрится..., – повторяла соседке – высокой жеманной бухгалтерше. – Ты глянь! Людей подавили.

Серенький прокуренный майор и ещё целая бригада сереньких людей в перчатках и с чемоданами окружили бетонное основание башни. Они светили фонарями, но ближе не подходили – не было команды.

– Её построил мой отец, – прокуренный майор сидел возле маленького фонарика, листая подобранную тут книгу.

– Это в каком году? – блондинка с растрепанной гулькой стояла над ним и сверху смотрела на листы, исписанные гелиевой ручкой.

– Не знаю, в восьмидесятые...

– А мои ещё тогда сюда не переехали.

– Откуда они?

– Из Донецка.

– Да, тогда строили.

– Твои строители были?

– Да. А твои?

– Папа – инженер, мама – учительница музыки.

Где-то за башней, во дворах, пискляво надрывалась собачонка.

– Иван Сергеевич, подойдите-ка сюда, – позвали из светлого пятна специалисты в синих куртках.

Их лица были так осознанно ясны – каждая морщинка видна, каждая пора.

– Смотрите, – они направили прожектор куда-то вправо и вверх.

Майор приблизился и обмер. Бок башни – её теперешние ребра – был исцарапан и искусан сразу в нескольких местах.

По тротуару у поверженной антенны вышагивал рыжий детина. Мэр ещё не знал об укусах. Он теребил бахрому шерстяного шарфа, накинутого поверх пальто. Надо было решать, куда селить людей.

Карточки

Очередь появлялась часов в девять. Человеческая змейка поперёк мраморного холла. Работали не все окошки. Вялая регистратура отворачивалась, болтала сама с собой, отвечала на звонки и металась по стеллажам, хранившим истории болезней.

– Вашей карточки нет.

– Она должна быть здесь, – пугались старушка или светлая студентка, или молодчик в растянутых трениках.

– Не знаю, может, у вас на руках.

– У меня её нет, – молодчик нервничал, и басок его слегка задрожал. – Вы что, мою карточку потеряли? – бабушка трясла в воздухе полисом.

– Может, у специалиста. Вы когда последний раз обращались?

– Летом, – пискнула девушка.

– Ну, не знаю...

– Мне талончик к хирургу, – молодчик постукивал костяшками по пластику.

– К хирургу только через терапевта. Терапевт с 11.00 сегодня. Пойдёте?

Они шастали по этажам и коридорам, не разбирая дороги, не совсем понимая, кто они и откуда. Тусклые, сморщенные, старички и старушки вылетали из-за углов, задевали всё и

всех плечами, толкались в дверях, нависали в очередях. Любовь к тесноте – культ гражданской близости.

Молодых было меньше, поэтому они были заметней. Девушек больше. Больше круглолицых блондинок с тонкой, нежной кожей, в обтягивающих джинсах и со старательно зализанными хвостиками. Все дышали – вдыхали и выдыхали болезни. И каждый всматривался в другого, пытаясь угадать чужой недуг.

В розовых тоннелях хлопали белые двери. Стульев хватало всем.

– Кто последний в 105?

– Мне на 9.15.

– А мне на 9.10. Значит, будете после меня.

Остальные равнодушно поникли. Кто-то уставился на свои руки, кто-то на стену, кто-то в телефон.

Казалось, всё здесь заражено. Все поверхности – особенно дверные ручки – покрыты толстым слоем грязи, в которой, если присмотреться под микроскопом, столько болезнетворных бактерий, сколько и людей-то на Земле не живёт.

Клокастый мужичонка в жилетке прижимал к коленям портфель и еле-еле сдерживал чих.

У 309-го в воробьиную линию вытянулись улыбчивые старики. Над ними, как солнце, колесо правильного питания – разноцветная, выпуклая схема. В простенке – гипсовое ухо.

– Кто следующий на массаж? – из двери высунулась процедурная сестра – желчная женщина в синем колпаке.

– Хорошо пошло, – обмякла старушка, придерживая кишку, тянущуюся к её левому уху.

Чуть дальше – еще одна стерильная комната. На стуле Анастасия Николаевна оттягивала книзу свой язык, медсестра вставляла ей в рот металлический пинцет.

– Ииииии, – тянула медсестра.

– Ииииии, – вторила учительница.

Глаза её испуганно вращались. В горло стекало целебное масло каланхоэ.

Майор

Город крепко спал. Улицы, скованные ледяным панцирем, обещали поутру очереди в травмпункт. Падал первый снег – робкие пушистые хлопья укрывали тротуары.

На углу улиц Ленина и Сталеваров в крайнем окошке под самой крышей пятиэтажки зажегся свет.

Прокуренный майор был, пожалуй, единственным, кому в ту ночь не спалось. Бессонница – расплата за удачу. Там, в управлении, непривычно бритые щёки майора украшали стенд вестибюля – «Лучший оперативник».

Сейчас он, небритый, в мягкой пижаме, заляпанной яичным желтком, склонился над фотографиями покусанной башни.

На плите голосил чайник, которую минуту пытаюсь обратить на себя внимание. Струя пара из носика визжала.

Тридцать квадратных метров – его вольер, бесплатно выданный государством еще отцу.

В комнате над разобранным диваном – жёлтое пятно. По потолку изредка проползают светлые блики. Молчит телевизор. Тикают часы. Чуть-чуть слышно, если прислушаться, зажмурив глаза – шуршат книги на стеллажах.

Спать он не мог. На подушке, под одеялом ему было мерзко. Ноги кололо иголками.

И где-то внутри скребло, нашептывало в уши: «всё рух-

нуло, рухнуло».

Майор размешивал кофе в красной кружке с заляпанной ручкой.

На столе – чёрные следы. В сахарнице – слипшийся сахар, его приходилось ковырять ложкой.

Майор скосил глаза. У окна в синей рамке – снимок дочери. Ей уже исполнилось двенадцать. Но на фото по-прежнему было пять. Жена увезла девочку в Ялту. Дочка занималась парусным спортом.

Снег ложился на карниз за окном. Медленно поднималась снежная перинка.

Майор открыл форточку и глубоко вздохнул.

В прокуренную кухню полетели снежинки.

«Что же это, – думал он, едва справляясь с желанием произнести слова вслух, – так не бывает».

«Тук. Тук», – внезапно он представил, как в дверь его квартиры скребётся тонкая рука – музыкальная, с алыми острыми ногтями.

Но вместо этого звякнул звонок. Майор вздрогнул.

Он взял со стола нож. Квадратности и припухлости, углы и порожки – свой маленький вольер он знал наизусть.

Глазок не был закрыт. В тёмном коридоре светилась точка.

Подземка

В конце семидесятых советские начальники думали, что население Череповца будет расти и расти. Они предполагали, что в 2020 году в городе будет миллион жителей. Возможно, даже больше. Всерьёз обсуждали строительство метро – так, на светлое будущее. Успели даже сделать подземный переход: «первая ласточка», – подумали жители воображаемого мегаполиса. Переход прокопали под улицей Мира у проходной литейно-механического завода. Каждый день туда и обратно тянулись караваны рабочих. Они тянулись и тянулись, но в подземку почему-то не шли – опасались. Особенно после того, как в городе начали изредка пропадать студентки. Люди перебежали «зебру».

Переход совсем зачах. В 2017 году на поверхности установили светофор, а подземку опечатали. Это была сырая кафельная шахта, пропахшая мочой. Сквозь щели в плитке просачивалась горячая техническая вода. Парило. Под ногами хрустели использованные шприцы и ампулы. Стены в мерзких капельках были исписаны ругательствами. Красное, синее, зелёное, кислотное. Шипы, брюхо собаки, заводские трубы и люди в противогазах, глазастая ладонь и деревья из человеческих волос – наскальные рисунки, видения подростков из 90-х.

Там Он и прятался. В темноте, лежа на выпотрошенном

матрасе. Это был Он –чёрный, как чёрная дыра, бесформенный, как мешок, и в то же время чёткий, как карандаш. Он мог расти – то точка, то гора.

Много спал – что ещё делать? Исчезал, пока не проголодается. Охотился на крыс и тараканов. Но этого было мало, поэтому иногда (раз в год, может, в два) Он охотился на детей.

В логово добычу не притаскивал – сжирал в лесу, неподалёку от города, на востоке.

Иногда в переход, сквозь узкую щель пробивался лунный свет. Тогда Он ловил луч лапками и покачивался на своём матрасе, дёргал пружинку и слегка скулил –пел песню о своей охоте в сером, пыльном городе.

На поверхности редкие ночные прохожие ёжились и ускоряли шаг, когда нет-нет, даже не слышали – звук был слишком тихим – ощущали этот скорбный скулёж.

Думали, что им «кажется».

В воздухе парила глазастая ладонь. Он лежал, отвернувшись к стене. Вертел что-то. Этим чем-то ловил лунный луч. Мерцало, чуть звякало металлически. Он мусолил кусок вышки, ощущая приятный кровавой вкус, и снова прятал добычу в ямке на полу.

Чародей

Майор пытался веками поймать пустоту. На лестничной клетке никого не было. Он опустил глаза и невольно сделал шаг назад. На коврике перед его дверью улыбался маленький мальчик – лет шести-семи. Он стоял на цыпочках и держался за дверную ручку. На его ногах болтались битые башмаки, в огромных шароварах ребенок тонул. Мальчишка улыбался щербато: не хватало двух передних зубов. Нос был поцарапан.

– Ты откуда здесь? – икнул майор. – Где твои родители? – он высунулся за двери и глянул вниз – не поднимается ли кто по лестнице. Но кругом было тихо.

– Здравствуйте, – прописклявил мальчик. – А почему вы не спите?

Майор оглаживал щетинистые щеки.

– Что?

– Все спят, а вы не спите. Что-то случилось?

– Нет. Мальчик, ты чего здесь ночью делаешь? Где твоя мама?

– Моя мама в болоте, – ребёнок не выговаривал «л» и «р».

– Где? – глаза майора полезли из орбит.

– В болоте.

Мужчина одернул грязную футболку. Он начал терять терпение и злиться – его спокойствия всегда хватало нена-

долго.

– Ты шутить со мной будешь, пацан? Я тебя сейчас в полицию отвезу до выяснения. Понял? Говори, как с родителями связаться.

– Не надо с ними связываться, дядя, – мальчишка, казалось, улыбался ещё шире и радостнее. – Вам же хуже будет. Батя у меня злой.

– Ты поэтому и сбежал? Тебя дома бьют?

Ребенок тихонько засмеялся.

– Пойдем внутрь, – захрипел майор. Он завёл ребенка в квартиру, брезгливо стараясь до него не дотрагиваться. Всё это было похоже на то, как собака загоняет в стадо отбившуюся овцу.

Щёлкнул выключатель. Лампочка ярко вспыхнула и с легким хлопком погасла.

– Чёрт, – выругался майор. – Мальчик, проходи в кухню. Как тебя зовут?

– Вольдемар, – ребёнок на ходу расстегнул куртку, снял шапку и варежки.

– Ты вещи-то не раскидывай, – майор двумя пальцами поднял с пола шарф.

– Да, насрать, – отмахнулся малыш. – У тебя пожрать есть, майор?

Полицейский замер в коридоре.

– Ты это чего? – промямлил он, потом прочистил горло. – Охренел, что ли, малой? Краёв не видишь? Я тебя на ремни

порежу, если будешь так со мной разговаривать!

– Чего? Чего? – раздалось пискляво с потолка.

Ребёнок ползал по стенам, как таракан.

– Что это? – майор перекрестился, хоть и был некрещёный.

В темноте коридора горели два жёлтых глаза.

– Страшно тебе, майор? – спросил мальчик. – Ты всё гадаешь, кто это башню попортил. А больше тебе ничего не интересно?

Мальчик прыгнул на пол и заверещал козой.

Полицейский полоснул воздух ножом.

– Чего удумал! – засмеялся ребенок. – На чародея с ножом!

Рука майора хрустнула. Нож звякнул о дальний угол.

– Не смей мешать мне! – зашипел гость. – Не смей!

– Кто ты? – стонал майор. Он плакал, держа на весу неестественно вывернутое запястье.

– Я хозяин изнанки, понял? Я делаю всё, что хочу. Я взрослый.

Если бы это был Кичменгский городок, то, без сомнения, в воздухе висел бы туман, но это был Череповец, поэтому люди принохивались, люди не доверяли. И ощутив даже чуть-чуть заметную горечь, старались глубоко не дышать.

Холодная сырость падала на плечи. Люди натягивали шапки, поднимали воротники. Люди шмыгали и в кулачки – сухо: «Кхе-кхе».

Тусклые фонари резали туман на оранжевые конусы.

Сигналила пробка, заткнувшая проспект. Машины тянулись от Мира до психдиспансера на западной окраине города.

А над машинами поднимались дымы. Жёлтый, красный, зелёный – электрические кляксы сменяли друг друга.

Дорогу, не глядя, машинально переходили спешащие горожане. Старушка в длиннополом пуховике, похожая на колобок, катилась впереди. Дальше шла женщина в высоких сапогах, она тащила за собой тряпичную девочку, одетую для выхода в открытый космос.

Где-то что-то хлопнуло. Но никто не обратил внимания. Только школьник в смешной шапке покрутил головой. Ему пришлось отскочить – на ногу чуть не наехало чёрное ведро. За рулем сидел тощий дядька с некрасивыми ушами и носом. Одной рукой он держал руль, а второй пытался в телефоне

настроить маршрут. Сзади к стеклу прижималась девочка. Она была похожа на своего отца.

Напротив, под окнами второго этажа, мерцала синяя рыбина. Ещё мерцали пакет молока – белый, с красной надписью «Вологда», и блестящая коричневая палка колбасы.

Со ступенек спускался хромой дядя Андрей, под мышкой он нёс буханку дарницкого и пузырь.

Раздался металлический визг: грохотал трамвай, стремительный и свободный. В жёлтых окнах угадывалась толчея. Народ бежал со смены домой. У каждого в руках – пакет.

Жилые дома подмигивали. Сталинская архитектура мёрзла и ёжилась.

Во дворах было таинственно и не протолкнуться от машин.

По «зебре», стараясь ступать только на белые полосы, вышагивали замшевые полуботинки. Топ-топ.

Выше обуви – ноги в синих джинсах. Дальше – дутая розовая куртка.

Девушка была одета не по-череповецки ярко. Она привлекала внимание пушистыми наушниками – чистыми и бесполезными, и, наверное, дорогими.

Машины терпеливо ждали, пока она пройдет.

– Говорят, это был теракт, – старушка-колобок пересказывала знакомой то, что слышала сама.

– Да, да, – кивала тётенька, укутанная меховым воротником. – Это ИГИЛ.

– Чё делается! Вчера показывали, всё не слава богу. В поликлинике, говорят, стали карточки пропадать.

– Да что ты?!

Девушка в чистеньких наушниках свернула во двор. Она шла, заглядывая в окна первого этажа. По двору бегал толстый бульдог. Увидев розовую куртку, он остановился и сдавленно зарычал, зажимая во рту толстую палку.

– Фофа, фу, – шикнула на него хозяйка. – Фу, Фофа.

Топ-топ. Полуботинки ступали аккуратно, точно по паркету балетного класса.

Девушка остановилась у двери. Набрала номер квартиры – «22». «Блям-блям» – дверь открылась. меховые наушники скрылись в масляной синеве подъезда.

Дом был четырёхэтажный, послевоенный. Балконы выходили во двор. Фасад выкрашен в исторический жёлтый, радостный цвет.

Над дверью – табличка с рекламой такси «Бегунок»: «Быстро. Удобно. Вежливо», и количество квартир в подъезде – «20».

Ведьма и домовой

Она парила под потолком. Летала из ванной в большую комнату, а оттуда в коридор. Только люстра мешала.

На полу в прихожей скинутой шкуркой валялась розовая куртка, а на куртке – чистенькие наушники.

Никто не знал, что в этом доме есть такое место.

Выше четвёртого этажа строили чердак, но его там не оказалось. Лестничный пролет был наглухо запечатан железной дверью. Ступеньки завалены старыми картонными коробками, битыми раковинами и унитазами. Никто не знал, что выше вовсе не скаты крыши, не продолжение свалки, а изнанка.

Жители последнего этажа изредка слышали с потолка непонятный звук, но думали, что это кошки. Коммунальщики лазили через изнанку на крышу – сбивать сосульки. Но изнанки они не видели. Они видели свалку.

Девушка перевернулась в воздухе, а потом медленно опустилась на жёлтый диван.

Напротив, в синем кресле дремал маленький пожилой мужчина с бородавкой на лысине.

– Что ты спишь? – девушка толкнула его ногой.

– А? – встрепенулся мужичок.

Он был в сером костюме-тройке, без галстука. Вытер губы носовым платком.

– Дура, что ли, – ворчал. – Так нельзя себя вести со стар-

шими. Я – пенсионер.

– Какой ты пенсионер! – девушка смотрела на него зелёными глазами. Она была на взводе.

– Чего разбудила?

– Я нервничаю.

– Все нервничают.

– Что ты обо всём этом думаешь?

– Думаю, что безобразие, – мужчина сложил платок и спрятал его в нагрудный карман.

– И всё? Надо же что-то делать!

Мужчина вздохнул.

– Что мы можем сделать? Перебесится он, и всё снова придёт в норму.

– Ага, – недоверчиво бросила девушка.

– А что ты предлагаешь? Как мы можем его остановить? Ты думаешь, у него есть какая-то цель? Нет её. Ему просто всё надоело, надоело отсиживаться и прятаться. Я его понимаю.

– Здравствуй! – она всплеснула руками.

– Нет, ну а что ты можешь сделать?

– Поговорить, переубедить его. Он должен остановиться, иначе город сойдет с ума.

– И что?

– Хочется спокойной жизни, дядя Вася.

– Ты старуха, что ли? Куда тебе спокойной жизни? Если бы в моей молодости чародей свихнулся, я был бы счастлив.

Девушка закрыла лицо руками. Её рыжие кудри, казалось, искрились, как бенгальские огни.

Отец Афанасий

Отец Афанасий был стареньким. В ноябре ему исполнилось восемьдесят пять. Он сидел на скамейке у ворот кафедрального собора и ловил мягким беззубым ртом снежинки.

Была ночь. Глупые белые мухи всё валились и валились, как перья из мешка.

Вокруг – белым-бело. Батюшка – чёрная точка в снежной пустыне. Он как ворон, затихший на ветке, заметенный, шурил полуслепые глаза, не замечая сугробы на ресницах и бровях.

Каждые полчаса к старику выходил священник помоложе. Он трогал отца Афанасия за плечо и тихонько просил:

– Пойдемте уже внутрь, заболееете.

– Отстань, – шамкал старик мягко.

Молодой священник мялся рядом, потом вздыхал, крестился и шёл назад, в тепло.

Морщинистые щеки и кнопочный нос старика покраснели, отчего он немного походил на малыша.

Раз за разом отец Афанасий прокручивал в голове одну и ту же песню: «Что мне снег, что мне зной, что мне дождик проливной, когда мои друзья со мной. Ляля-ля ...».

Он часто вспоминал, как в детстве пешком ходил к тётке Наталье в соседнюю деревню. Шёл кручами, в потных ла-

дошках держал кусок пирога, завернутый в полотенце. Нёс этот пирог, словно сокровище, боясь испортить.

Тётка, глухая и одинокая, почти всё время лежала на печи.

Афанасий подходил к её избе – той самой избе, где вырос его отец и оба дяди. Дом сильно завалился назад, конёк взмыл в небо, словно нос парусника. Дедовская изба была кораблём, затонувшим в море. Все пассажиры погибли. Отец с дядьками в Гражданскую, дед с бабкой – от горя и старости. Осталась только сирена – тетка Наталья, которая не умела петь, только мычала. По правде говоря, это была полубезумная, злая старуха. Деду она приходилась двоюродной сестрой. Взял он её, одинокую, из жалости. Другие родственники связываться не захотели.

Афанасий заходил в сени: дом Наталья не запирала. Там было темно и влажно, как в погребке. В кухне чадила худая печка. Тетка – зачуханная, в тряпье – глядела на него блестящими глазами.

– Здравствуйте, тётя Наташа – здоровался Афанасий. – Вам бабушка пирога послала.

– Ммммм! – кричала тётка.

Тогда ему уже исполнилось одиннадцать лет. Мальчик пристраивал кусок на край стола. Потом, молча, смотрел на старуху, которая медленно спускала свои ноги-колоды, и ползла к пирогу.

Афанасий брал ведра и натаскивал в дом воды.

Он жалел тётку и вместе с тем до одури боялся её. Прове-

дывать приходилось дважды в неделю – так наказывала мать. Сама она к родственнице первого мужа не ходила.

Отец Афанасий ловил ртом снежинки.

Последние лет пять старый священник жил, точно запелёнатый младенец – сам в себе.

Краем уха – слышал он плохо – ловил непонятные разговоры о странностях. Молодые коллеги суетились. Он чувствовал беспокойство и тревожился.

– Дедушка? – отец Афанасий почувствовал, что кто-то снизу тянет его за рясу.

Он опустил лицо. Там стоял ребенок, одетый в изношенную армейскую куртку и шаровары. Волосы были только на макушке – ярко-зелёные.

– Дедушка, ты Бадяя видел?

– Ты кто? – вскочил старик.

Ребенок нехорошо улыбнулся.

– А ты как думаешь?

– Нечистый? – отец Афанасий перекрестился.

– Негрязный, – пожал плечами мальчишка.

Никто не заметил

Никто не заметил женскую фигуру в небе. Она выскользнула из слухового окна крыши и юркнула в снежные облака. Никто не заметил на её плече тряпичную сумку и не услышал душераздирающее «мяу-у-у».

Никто не заметил маленького мужчину в большой меховой шапке. Он медленно отдалялся от подъезда. Ноги его скользили, вязли в каше, которая уже успела насыпаться за три ночных часа.

На стене мельтешила зыбкая тень: вверх – вниз – вверх – вниз. Тень всё уменьшалась, пока наконец не превратилась в силуэт лохматого пса. Пес возил носом по сугробам, точно искал что-то. Щуплая, жёлтая дворняга рыла передними лапами снег у фонаря. Потом недовольно тряхнула головой и звонко кашлянула: «Гав».

Фонарь задрожал. Рыбий свет тряско пополз в сторону. Железобетонная громадина по-жирафьи повела шеей, и лампа опустилась к собаке. Голова-лампа качнулась вправо, потом влево.

Пес снова твякнул. Фонарь царственно выпрямился и важно замер.

Дворняга нетерпеливо мяла что-то передними лапами. Нос в белой крупе, между настороженными ушами – зимняя полянка.

Пес побрел в соседний двор мимо общипанных тополей, мимо луж. Навстречу выскочили еще две собаки. Одна совсем мелкая, трясущаяся от холода, вторая – помесь немецкой овчарки и кого-то ещё более крупного и пушистого. Собаки схватили друг друга за хвосты, закружились, а потом вдруг пропали.

В оранжевых полосах кружились белые мухи.

«Не надо войска...»

Мэр плохо знал английский. Когда в город приезжали иностранные делегации, он вежливо улыбался консулам и бизнесменам, а слушал переводчицу – племянницу школьного приятеля.

Но он знал, что должность его по-английски «major» – градоначальник. Звучит, как бляенье овцы. А, если прочитать безграмотно, получится «майор» – совсем по-военному. Вот он и стал звать себя майором. «Ну, что, – думал по утрам, подбадривая сам себя, – пойдём, товарищ майор, на работу». И шёл до машины, а там, подбирая полы дубленки, садился в кожаный, пропахший ванилью салон и ехал из коттеджного пригорода в город.

Город дышал. Трещал морозный воздух. Солнце лупило по глазам и окрашивало альбомную белизну розово-голубой краской. Дрожала сверкающая взвесь – то ли снежная пыль, то ли дымка–мираж.

Служебный – не слишком шикарный, но удобный автомобиль тормозил у гранитного камушка администрации. Здание это было похоже на каракулевую шапку – пирожок.

В кабинете мэра, непременно уютном – по сути, это было продолжение кожаного салона, да, и что там, кровати избранника (а она была пушистой и невероятно сексуальной), – пряталась потайная комната. Маленькая, но вместительная,

как вагонное купе. Здесь была кушетка (на ней в свое время спал ещё первый председатель райисполкома) – раритет, кожаное кресло, столик, за которым мэр обедал иногда (обычно, как сегодня, он ездил кушать к маме), и книжные полки, на которых пыльными рядами выстроились краснокорешковые и синекорешковые фолианты. На столике всегда стоял любимый стакан начальника в дореволюционном подстаканнике, да, дореволюционном – им ещё пользовался последний городской голова – самый раритет.

О существовании «думательной комнаты» знали всего несколько человек: секретарша, начальник охраны, пресс-секретарь, главный советник (он же школьный приятель), мама мэра, бывший мэр и бывший глава райисполкома (он же эту комнату и придумал).

От посторонних дверь в дубовой настенной панели защищал портрет президента Путина. Портрет был хороший, солидный. Написан масляными красками. Холст в золоченой раме. Даже у губернатора такого не было.

Мэр пошевелил ленивой мышкой – экран компьютера проснулся. Новых сообщений – двенадцать. Ну, у мэра всегда есть работа.

Он почесал рыжую голову. Руки у него пухлые, белые, в веснушках – детские. В юности он занимался штангой. Правильно питался. Завоевывал медали. Но это всё прошло. Мэр отрастил брюшко, штангу бросил.

Доклад об эвакуации «подснежников» (бесхозные маши-

ны не дают чистить улицы) совсем не читался: буквы прыгали, менялись местами. После щей и ёжиков в животе тянуло и булькало.

Мэр раздавил пальцами сушку с маком. Проснулся.

Надо было бы перейти в «думательную комнату», отдохнуть. Вечером предстояло выступить на «дне призывника».

Он снова почесал голову. Там, в мозгу, в котором и так постоянно крутились всякие мысли, засела зараза похуже шизофрении – забота о сраных событиях, странных событиях, пугающих жителей уже больше месяца.

«Треньк-треньк», – это позвонил телефон без кнопок.

Мэр снова опустился в кресло – он даже на шаг отойти не успел.

– Алло! Куклин.

– Здравствуйте, с вами сейчас будет говорить премьер-министр Дмитрий Анатольевич Медведев.

Мэр напрягся: «е... твою мать», – подумал он.

– Алло, – вкрадчиво с той стороны, очень знакомо, как будто известного актера услышал.

– Да, здравствуйте, – у мэра получилось бодро.

– Здравствуйте, здравствуйте, Михаил Палыч. Не буду вокруг, да около. Мы знаем, что в вашем городе происходит какая-то чертовщина.

– Да, какая чертовщина, – мэр, хоть раньше, лет двадцать назад, и был бандитом, и ломал пальцы, сейчас как-то ступшевался. – Что вы!

– Ну, как убийства у вас ритуальные, башню кто-то покусал. Как это – искусать телевизионную вышку?! У вас там Годзилла, что ли, живет?

– Что вы! Какая Годзилла! – немного обиделся мэр. – Мы разбираемся. У следствия есть зацепки.

– Вы меня лечите, Куклин?

– Я?

– Какие зацепки? Ваш город весь инет засрал своими видео. Заголовки эти. Желтая пресса! Девочка у вас какая-то над крышами летает. Это что такое?! Разберитесь, Куклин. Или мы по-тихому объявим чрезвычайное положение и введем войска.

– У нас тут есть военное училище, – помолчав, заметил мэр.

– Что?

– ЧВИРЭ. Военное инженерное училище. Не надо войска...

Курсант

У курсанта Васи Симонова смешно торчали красные уши. Он рвал буханку чёрного на мелкие кусочки и бросал их голубям. Голуби, серые как крысы, копошились, били крыльями, вспархивали.

Вася печалился. Утекали последние часы увольнительной. Завтра нужно идти на дежурство. Начальник училища приказал усиленно патрулировать улицы. Даже такую жопу мира как Чкалова.

Вот на Чкалова ему завтра и нужно. Там грязно и шваль.

А сегодня хорошо. Он сидит на скамеечке в Соляном саду и ему на всё с большой колокольни. Вот они – столетние дубы, вот он – памятник Пушкину, вот сугробы и застывшее колесо обозрения, как будто его сковало судорогой – на заднем плане.

В голове засела заноза – дурацкая мысль о человеческой ДНК. Удивительно, просто маленькая спираль. И сколько в ней всего, и это всё – мы.

Вася поступил в Череповец из Воронежа, потому что хотел стать суперкрутым разведчиком. Он стремился к этому. Он верил, что сможет.

Его дед был суперкрутым разведчиком. Во время Карибского кризиса он служил в Вашингтоне – это до сих пор секретно (по секрету этот секрет Васе рассказал сам дед – он

уже плохо соображал).

Отец Васи служил на радиолокационной станции. **ОЧЕНЬ ДАЛЕКО.**

Генетический код – удивительно.

В Череповце было весело. Особенно этой зимой. Город поражал все больше и больше. Курсанты слышали и о башне, и о людях, которых загрызли на Советском проспекте, и о том, что полицейский выпал с пятого этажа при очень подозрительных обстоятельствах.

Некоторые пугались и звонили домой, но только не Вася. Вася кайфовал от этого драйва. Как будто оказался в кино. Не в плохой комедии про армейскую жизнь, как раньше, а в дорогом голливудском триллере. Да, в триллере.

ДНК. Вот мимо идет симпатичная девушка. Стройная. Синее пальто. Рядом с ней хмырь. У хмырягопническое лицо и повадки жлоба. Он нахально держит девушку за бок. Такой хмырь и такая девушка.

Вася всегда чувствовал, что с ним что-то не так. Он боялся зеркал. Потому что отражался в них неправильно. Конечно, нос, глаза, губы были своими, а вроде, и нет. Дожил до двадцати с хвостиком, а что не так – до сих пор не понял. Иногда он чувствовал себя не в своей тарелке, даже хуже, словно он не в своем теле.

Вот ладонь. Его широкая мужская ладонь. Или не его?

Он ведь чувствует себя в этой ладони?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.